

ТЕАТР

Ты многое знаешь о любимой артистке. И вместе с тем — далеко не все. Все вообще узнать невозможно... Но давайте встретимся с Риммой Асфандияровой, с ее ролями, попытаемся проникнуть в творческую лабораторию актрисы.

Это будет интересно и тебе, и всем тем, кто любит театр, стремится к нему и узнает истинную силу этого великого искусства.

Хочется адресовать этот рассказ и тем, кто присылает в редакцию газеты короткие, телеграфно-скупые проебьбы реценции — как статью артисткой.

Велик соблазн повелать о новостях, до которых по-хорошему жаждет любитель театра: планы актрисы, над чем работает, будущие роли и т. п. Но начнем с того, что обычно не подлежит обнародованию, а составляет «святыня святынь» и сокрыто от глаз посторонних. Начнем с писем, которые адресованы лично актрисе. С письмом от людей, лично с которыми она не знакома.

«...Не скажу, что с превеликим удовольствием ехал в театр, да и билет дала сноха: «Съезди, папа». Но вот открывается занавес. Ваша игра меня так захватывает... Невольно начинаю верить, что все происходящее на сцене — правда. Как и большинство зрителей, я до смерти не люблю фальшь в театре — у Вас и тени ее нет. Вы ни под кого не подыгрывали, создавая свой, асфандияровский, образ. Я учитель, а посему ставлю Вам «пятерку с плюсом».

Хочу еще признаться Вам в одном «смертном» грехе — всю жизнь собираю хорошие стихи. Стихи, они вроде цветов, украшают нашу жизнь, только не два-три дня, а всю жизнь. Цену ей знает каждый, поживший на этом свете изрядно, а мне судьбой даровано право особое: ценить жизнь вдвойне. У меня большое сердце, и часто бывают сердечные приступы. О, если бы Вы знали, как это страшно чувствовать: сердце твое еле-еле бьется, то, кажется, вовсе остановилось... Нечем дышать... Согласитесь, легко впасть в меланхолию. Но вот Ваше искусство, подобно поэзии, дает мне радость жизни: «Я жив, я вижу солнце, людей, слышу птиц. Могу работать, могу просто ходить по лесу, радуясь каждой пташке, каждому муравью»...

Хотелось, чтобы молодые также остро ценили жизнь, ибо ни одной прожитой секунды не возвращаешь за все сокровища мира...

Вот видите, сколько эмоций вызвала Ваша игра. Спасибо Вам. Прошу прощения за отнятое время.

Б. К.

Р. С. Жалко прочел «Пропай, Гюльсары» Ч. Айтматова. Буду стараться попасть на ваше «Материнское поле».

Общественная, человеческая значимость искусства — в этом отклике зрителя, как и в иных. Р. Вламико, мастер-парикмахер из Одессы, инженер Л. Дембянская из Челябинска, учительница Л. Игошина из Свердловска — пишут люди из городов, в

КАК БЫТЬ ЛЮБИМОЙ

которых театр бывал на гастролях. А вот письма туляков, то пространные, написанные будто самому близкому духовно человеку, то краткие. Но как все они выразительны.

Пишет Б. Е. Давыдов: «Поздравляю Вас и Вашу Толгонай с праздником Победы! Вы очень хорошо передали красоту, силу и мужество женщины военных лет. Благодарю Вас как сын, отец и муж. Желаю Вам успехов во всем!»

«Я думаю, актриса должна быть прекрасна лицом. А для Грушеньки Вапей это особенно важно. Ведь точно писал Лесков, что, «глядя на нее, забываешь все на свете!» Такая она и у Вас».

«Ваша Лариса — лучшая в стране. Чистый, нежный, светлый ее облик — Ваш подарок всем».

А в этом письме — просто желание, без обратного адреса: «На страх жлобам, Назло пажонам

Дыши искусством, Как озоном...».

...Как же оно создается, искусство, подобное озону?

Первая встреча с глазу на глаз — у актрисы дома. И прежде всего вспоминаю трепетных школьников. Вот вам рецепт, один из многих. Главные советчики здесь — книги. Сразу видно, что не для форсу, для дела, подобраны десятки томов: Шоу, Станиславский, Брехт, Ануй... Модильяни, Ролен, великие артисты: англичанка Э. Дузе, россиянин Михаил Чехов. А самый главный среди них, первая любовь — Александр Сергеевич Пушкин. Разумеется, ни у кого из них нет готового рецепта, который вдруг отыскала Римма Газизовна.

Но в нужную минуту, когда так необходимо отыскать свое отношение к персонажу, к главному в его судьбе, — является и Михоэлс со своим: «Тир хоть и король, а я выше Лири». И Мейерхольд: «Вы не имеете права войти в роль настолько, чтобы забыть себя». Об этом же есть и у великого артиста русской сцены Михаила Чехова...

Вот сейчас актриса говорит о Шоу, о своей работе над ролью Клеопатры. Здесь не только нужно знание опыта других, но и свое отношение. А в нем — сплав многого. И высшая театральная школа, в которой изучалось все, что создано о театре от Аристотеля до наших дней. И жизненный опыт. И талант.

Римме Асфандияровой удается отстояние от роли, своего рода — взгляд со стороны, а по-

тому устанавливаются энергичные связи между ею и персонажами. Каковы же эти роли?

В 1969 году наша газета писала о двух ролях актрисы. С тех пор родилось целое собрание типов, характеров, собрание — интернациональное! Полька Гелена из «Варшавской мелодии», испанка Миранда — «Любовь к геометрии», цыганка Грушенька — в «Грушеньке»,

театра К. Станиславским. И в многочисленных трактатах истории мирового театра исследуется тайна актерского искусства. Помимо общих теоретических положений, овладения тем запасом знаний, которые дает актеру школа, есть индивидуальность, есть «я», которым должно сопроводить всю роль. Асфандиярова начинает эго сопровождение с внешнего об-

египтянка Клеопатра — в «Цезаре и Клеопатре», молдаванка Руца — «Птицы нашей молодости», чилийка Марта — «Интервью в Буэнос-Айресе», русская Лариса — «Бесприданница», советская женщина первых пятилеток — «Темп-1929», наконец, наша современница, сыгранная во многих спектаклях. И, как можно забыть, женщина-космополитка Элина Макропулос.

Создавать характер национальный — что может быть труднее?

У Р. Асфандияровой поистине неисчерпаема ее актерская палитра. От изящной польки Гелены до суровой тетюшки Руцы — дистанция огромного размера. Но преодолена она мастерски. К тому же — рекордно и по возрастному перевоплощению. От двадцатилетней Гелены к 60 годам Руцы. Играет она и «вечную молодость», фантастическую женщину в возрасте 337 лет, в пьесе Чапека «Средство Макропулоса»...

Как же это удается? Написаны многие тома о работе актера над ролью отцом русского

но ли сделать это без знания самого широкого? И в первую очередь — знания жизни, психологии людей, искусства?

Одним словом, вся многообразная действительность должна быть постигнута. Вот, об этом трудном пути поиска истины тоже надо сказать тем, кто мечтает о профессии актрисы, как о пути, усеянном розами. Шипы колются — и больно. И прежде чем придет артистка к этой «кухне» театра и в себе, как в творческой лаборатории, начнет лепить характер, образ другого человека, — сколько придется передумать, увидеть, понять... И всю жизнь — учиться.

Тема женской судьбы заставляет искать новых средств раскрытия ее не только в современной пьесе. Причем всегда актриса выводит своих героинь из рамок быта (даже, казалось бы, сугубо бытовых), на просторы больших временных обобщений.

Эта встреча с Риммой — в театре. Только окончен спектакль, безмолвствуют динамики, погрузилась во тьму сцена. Проходим в гримборную. Актриса у зеркала снимает грим, словно расстается со своей Мартой.

Однажды она сказала: «Роли мои — как дети. Нет неслюбимых. В каждой есть мое сердце». В этом вновь убеждаешься, когда говорит она о только что ролившейся роли, о своей современнице из Чили.

В пьесе «Интервью в Буэнос-Айресе», премьера которой недавно состоялась, ей в роли Марты надо было показать изменение отношения к мужу, горячо любимому. Вместе с тем — свое открытие Америки: какая трагедия ждет людей, которые восстают против зла лишь только тогда, когда оно коснется их лично...

Роль удалась. После премьеры автор пьесы Г. Боровик говорил ей об этом.

«Но это оценка автора пьесы. Главное для меня — зрители. Вся слава и вся сила наша — от них. Я никогда не забуду их роль в «Варшавской мелодии», в «Бесприданнице». И эта сила вряд ли меньше той, которую я получаю от собратьев по сцене. Театр — искусство коллективное, и я — только частичка этого большого организма. Вне ансамбля на сцене жить не могу».

Ее мечта? Где-то в будущем сезоне высвободить из глубин романа Достоевского Настасью Филипповну, «обжиться» на фоне петербургского полусвета, в котором блистала со своей трагической судьбой русская женщина. Еще одна героиня, роль которой вполне по плечу актрисе Римме Асфандияровой.

Л. МОРОЗОВА.

На снимке: Р. Асфандиярова в роли Грушеньки.